

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В настоящее время как ЕС, так и НАТО испытывают определенный кризис в отношениях не только со своими партнерами, но и ряд внутренних противоречий, которые связаны с последствиями резкой демилитаризации на рубеже веков, а также новой политикой США по отношению к союзникам по блоку. В такой атмосфере неопределенности особенно важным видится постоянный диалог между Россией и Европейским союзом, который позволял бы минимизировать напряженность, связанную как с событиями последних лет, так и грядущими долгосрочными проектами. В данной статье рассмотрен ряд проблем и перспектив взаимодействия Европейского союза и России в сфере обеспечения международной безопасности. Определены наиболее продуктивные сферы для потенциального сотрудничества, приведены наиболее актуальные проекты, требующие особого отношения и тесного взаимодействия структур РФ и ЕС с точки зрения коллективной безопасности в стратегической перспективе.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, международная безопасность, стратегическое партнерство, Арктика.

Автор

Пархоменко Георгий Игоревич

Магистрант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Последнее десятилетие XX века было ознаменовано рядом ключевых событий, коренным образом повлиявших на дальнейший ход истории, изменение геополитического положения. Последовавшее вслед за распадом Советского Союза упразднение Варшавского блока, конец холодной войны, который, помимо преодоления военного противостояния между Востоком и Западом, принес невиданные ранее разоруженческие процессы взамен гонимых вооружений. Теперь место противостояния занимают общеевропейские структуры и механизмы, что влечет за собой совершенно иные формы взаимодействия между государствами.

Не стоит, однако, забывать, что эти же события привели к определенному кризису блока НАТО. Содержание огромной армии и наличие значительного «союзнического» контингента на территории Европы стало неактуально, и буквально за десять лет количество развернутых вооружений сократилось до малой части от их численности на конец 1980-х — начало 1990-х гг. Так, по информации Международного института стратегических исследований, суммарное количество развернутых батальонов НАТО в континентальной Европе на 2015 г. примерно равняется таковому у одной только Западной Германии в 1990 (рис. 1).

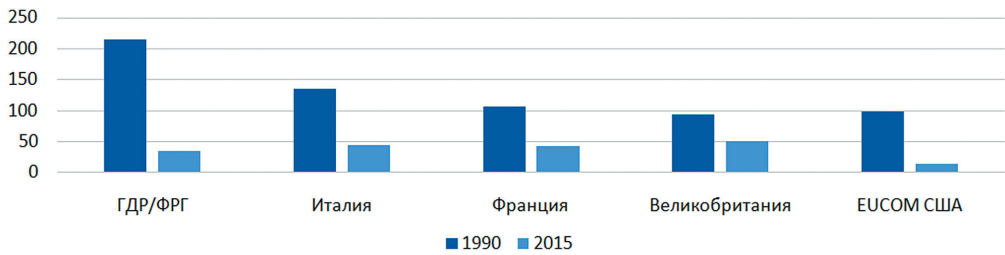

Рисунок 1. Число активных подразделений Европы (включая контингент военных баз США 1990/2015) согласно IISS, The Military Balance 2016

Вместе с тем, будучи порождением биполярной системы, североатлантический альянс продолжает по инерции искать оппонентов, что, в свою очередь, уже само становится фактором риска.

США, приписывающие себе победу в холодной войне, продолжают вести весьма агрессивную внешнюю политику, активно вмешиваясь в идущие конфликты и затеывая новые, стремясь стать единственным поставщиком силовых решений и, соответственно, к неоспоримому лидерству на мировой арене. Именно поэтому внешняя политика США на том же Ближнем Востоке напоминает поведение слона в посудной лавке. Более того, являясь членом НАТО, Соединенные Штаты активно вовлекают европейские страны в реализацию этой политики. Если еще в 1986 г., во время налета на Триполи, Германия, Франция, Италия и Испания не предоставили даже своего воздушного пространства для пролета американских самолетов, то уже во время войны в Персидском заливе военные из будущего Евросоюза принимали самое активное участие.

Казалось бы, что общего может быть между событиями более чем тридцатилетней давности и современной геополитической обстановкой? К сожалению, достаточно многое, что демонстрируют последние события в Сирии [1; 2]. Поэтому актуальность взаимодействия с ЕС по вопросам безопасности несколько не снизилась, а просто приобрела новые формы, согласовываясь с текущей повесткой международных отношений.

Так, буквально на наших глазах происходит формирование новой европейской оборонной идентичности: взамен «Берлинской формулы НАТО» приходит новое понимание ответственности, соответствующее общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ; Common Foreign and Security Policy; CFSP). Вместе с тем страны ЕС хотели бы продолжать оптимизировать свои оборонные расходы за счет аутсорсинга части обязанностей у американских военных. Последние же, в свою очередь, не склонны к альтруизму [3] и, вполне вероятно, вскоре Европе придется взять на себя новые расходы [4].

Очевидно, что единственной потенциальной угрозой в Европе, помимо международного терроризма, страны ЕС видят Россию, о чем, впрочем, уже является открытым текстом. Особенную обеспокоенность высказывает Швеция (не воевавшая, между прочим, более двух веков), не входящая в НАТО, однако являющаяся участником ОВПБ [5].

В данной ситуации, когда происходит не только демонизация, а открытое описание Российской Федерации как «врага № 1» в Европе, сотрудничество с ЕС в сфере международной безопасности видится особенно важным, хотя и полным подводных камней и противоречий.

Если внешняя политика Советского Союза и Российской Федерации в первые годы существования была ориентирована в первую очередь на США, то такие события, как Югослав-

ский кризис, расширение НАТО и неоднозначная внешняя политика самих Соединенных Штатов, привели к тому, что произошла смена приоритетов.

С конца 1990-х гг. внешняя политика России направлена на взаимодействие с Европой, которая стала основным (после стран СНГ, разумеется) приоритетом. Более того, смена политического вектора способствовала и улучшению экономических отношений: ЕС стал одним из крупнейших торговых партнеров России, что является важным показателем при оценке международной безопасности.

Как ни парадоксально, именно всплеск международного терроризма в начале XXI в. послужил толчком к укреплению взаимодействия по линии РФ–ЕС в сфере обеспечения безопасности, поскольку к тому моменту отечественные силовики обладали значительным опытом в противодействии террористам.

И нужно отметить, что в этой сфере было достигнуто завидное взаимопонимание: именно антитеррористическая коалиция, в которую входили Германия, Франция и Россия, резко осудила поведение Вашингтона во время иракского кризиса 2002–2003 гг., когда выяснилось, что как такового ОМП в Ираке и нет. Особенно такое поведение нехарактерно для Германии, которая на тот момент вообще впервые пошла на конфронтацию с США, призывая добиться мирного решения через Совет безопасности ООН.

Несмотря на настороженное отношение к ОВПБ в России, нужно признать, что в Европе постепенно зарождается новая военная организация, большая часть членов которой входит и в НАТО. При этом политика ЕС в сфере безопасности (по крайней мере пока) не позиционируется как альтернатива Альянсу. Напротив, осознавая ограниченность своих ресурсов даже для обеспечения коллективной обороны, Евросоюз старается макси-

мально задействовать силы блока в случае угрозы.

Очевидно, что в условиях разногласий между членами ЕС в последние годы, вопросы безопасности остаются одними из наиболее актуальных для консолидации участников и сохранения данной структуры как весомой политической силы, которая может отстаивать свои интересы не только в Европе, но и в других регионах. Антикризисный потенциал, накапливаемый для достижения этой цели, направлен именно на поддержание отношений с другими странами, в которых ЕС может выступать в качестве гаранта выполнения тех или иных обязательств, то есть иметь состоятельную политическую составляющую. Именно самостоятельность Евросоюза в решении внешнеполитических проблем, касающихся обеспечения международной безопасности, можно считать ключевым критерием эффективности ОВПБ.

Остается открытым лишь вопрос о том, как «две хозяйки»: НАТО и антикризисные силы ЕС, уживутся на одной «европейской кухне», ведь на данный момент ЕС не обладает необходимыми ресурсами для выполнения крупных международных операций. Так, по результатам недавних проверок, в 9-й танковой бригаде Бундесвера, которая входит в силы быстрого реагирования, из 44 танков «Леопард-2» исправны и готовы к бою оказались только 9, а из 14 БМП «Мардер-2» укомплектованы всего 3 (!) [6]. Отмечается также, что немецкие ВВС в состоянии нести боевое дежурство лишь 4 месяца в году. Недокомплектованы и сухопутные силы ФРГ [7], а ведь это — одна из наиболее влиятельных стран Европейского союза.

В сложившейся ситуации основным направлением деятельности ЕС в сфере безопасности может стать реализация превентивных мер или миротворческих операций, в том числе с непосредственным военным участием

ограниченного контингента. Например, в Европе накоплен определенный потенциал полицейских формирований, которые могут действовать в условиях конфликтов, да и в связи с растущей террористической угрозой все больше внимания уделяется таким подразделениям даже на территории самих стран-участниц. Судя по всему, именно препятствование возникновению конфликтов является наиболее приоритетной задачей для ЕС, о чем косвенно свидетельствует усиление роли внутренних сил и средств, что отражается на их численности и финансировании [8].

Так или иначе, в свете обострения отношений между США и ЕС, нет никаких сомнений в том, что Евросоюз будет проводить последовательное наращивание собственных сил антикризисного урегулирования именно под эгидой общей политики безопасности. Еще в середине 2000-х были сформированы такие структуры, как Военный штаб Европейского союза и подчиняющиеся ему силы быстрого реагирования (EUFOR), которые к настоящему времени успели провести как ряд операций в тесном сотрудничестве с НАТО, так и самостоятельных, например, по контролю потоков беженцев через Средиземное море с 2015 г. (продолжается по сей день).

Несмотря на ряд противоречий, таких как «Дело Лизы», крушение малазийского «Боинга», «Дело Скрипалей» и т.д., которые осложняют взаимодействие России с европейскими структурами, ЕС остается открыт для сотрудничества в сфере безопасности.

Однако, насколько такое взаимодействие оправдано и целесообразно, учитывая вышеописанные инциденты и их последствия?

На данный момент взаимодействие по линии Россия — ЕС основывается, по сути, не столько на совпадении неких ценностей, схожести общественных систем, единых долгосрочных целей и т.п., а на вполне конкретном со-

впадении экономических интересов. Россия рассматривается как надежный партнер в решении энергетических вопросов, поэтому та же Германия вполне успешно поддерживает строительство «Северного потока — 2». Это стоит считать не столько политическим действием, проявлением взаимоуважения и доверия, сколько простым прагматическим расчетом — оптимизацией расходов на транзит газа и минимизацией рисков, связанных с политической обстановкой в странах, через которые этот трансфер осуществляется. Для России, в свою очередь, строительство того же газопровода несет куда больше политической ценности, поскольку в условиях такого «ограниченного партнерства» отношения с Европой ставятся в прямую зависимость от эффективности экономического сотрудничества.

Более позитивным видится дальнейшее развитие партнерских отношений с распространением совместных усилий и в другие области, что станет толчком для создания по-настоящему стратегического партнерства. Важно, чтобы эти потенциальные отношения обязательно включали в себя, кроме прочего, и сферу международной безопасности. Прозрачность в этой плоскости поможет не только снять с России ярлык угрозы, но и стабилизировать отношения в других сферах, в том числе и улучшить координацию международных операций как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Африке, традиционной сфере европейской ответственности, которой в последнее время уделяется все больше российского внимания [9].

Впрочем, и в самой Европе сотрудничество с Россией является одним из перспективных направлений, поскольку строительство независимой и самостоятельной Европы без нее невозможно. И это касается не только энергетического или, например, военного аспекта, но и сферы политической, поскольку без стабильности в России немыслима и европейская стабиль-

ность. Очевидно это не только представителям «ястребов» в европейских правительствах. Стабильность российской политической системы является одной из предпосылок европейской безопасности, и если принимать в расчет то, что основным риском для политического режима в России являются внутренние угрозы, которые, с учетом опыта «арабской весны» и политического кризиса на Украине, часто имеют внешнюю поддержку, тесное сотрудничество с ЕС может стать важнейшим приоритетом для Москвы.

Безусловно, в современных условиях повышение политического веса РФ и упрочнение ее позиций на международной арене невозможно без взаимовыгодного стратегического партнерства с Евросоюзом, однако, на пути к достижению этой цели возникает все больше препятствий, которые вызваны отсутствием взаимопонимания между сторонами, не говоря уже об общем видении стратегической перспективы. Одной из таких стратегических перспектив может стать «арктический вопрос».

Вероятнее всего, в ближайшие десятилетия освоение Арктики станет одним из ключевых вопросов не только российско-европейских, но и в целом международных отношений. Даже Великобритания, которая всюду готовится к выходу из ЕС, активно готовится принять активное участие в этом процессе [10].

Европейские санкции неизбежно внесут свой негативный вклад в арктические планы России. Приостановка экспорта технологий и оборудования для разработки глубоководного шельфа сильно ударит по отечественной нефтяной отрасли, поскольку доля импортного оборудования в российской добыче нефти и газа сейчас достигает 25%, а в проектах на шельфе приближается к 100%. По оценке международного рейтингового агентства Fitch, в среднесрочной перспективе эти ограничения могут не только нанести удар

по экономической целесообразности нефтедобычи, но и вовсе воспрепятствовать осуществлению ряда крупномасштабных проектов по освоению арктических нефтяных месторождений в случае, если Россия не сможет разработать собственные технологии. В Министерстве энергетики РФ, однако, считают, что эти технологии могут появиться в России уже к 2020 г. [11].

В грядущей «Битве за Арктику» у России есть важный козырь — доступ к Северному морскому пути, который представляет собой кратчайший морской путь из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Несмотря на то, что в силу трудоемкости судоходства по этому маршруту, он пока не рассматривается как жизнеспособная альтернатива привычному транзиту через Суэцкий канал, изменение климата, ведущее за собой увеличение среднегодовой температуры, увеличивает проходимость СМП год от года. Сейчас навигация без ледоколов возможна всего два месяца в году — в августе и сентябре. Эта транспортная артерия могла бы стать серьезным подспорьем, например, в экспорте углеводородов на рынки азиатских стран, поскольку северный путь короче «индийского» более чем на 7 тысяч морских миль.

Экономический потенциал такого проекта огромен: уже в начале 2020-х гг. Китай намерен направить вдоль российского побережья Северного Ледовитого океана до 15% от своего гигантского внешнеторгового оборота со странами Европы. Учитывая то, что в России уже готовится законопроект о том, что транзит грузов по СМП может осуществляться только на судах под российским флагом, это может стать мощным экономическим стимулом к развитию региона, а также укрепить российские позиции в Арктике.

Развитие индустриальной инфраструктуры в российской арктической зоне, развитие сотрудничества с такими странами, как Финляндия (один из главных партнеров в судостроении,

совместно с которым реализуется сразу несколько проектов) и Норвегия (одна из двух стран, обладающая технологиями по глубоководному бурению и добыче нефти), не только увеличит грузооборот по Севморпути, но и упрочнит статус Российской Федерации как надежного партнера по реализации долгосрочных проектов.

Как показывает большой опыт энергетических проектов, которые осуществляет Россия, именно внешнеэкономическая интеграция является одним из гарантов международной стабильности. Грядущие «торговые войны» между США и ЕС могут серьезно переформатировать систему международных отношений. Не исключено, что мы вскоре увидим ослабление влияния Вашингтона на принятие политических решений в Европе. Впрочем, это будет зависеть в первую очередь от воли глав европейских государств, которые в прошлом проявляли завидную «гибкость» в ответах на вполне однозначную риторику заокеанских соседей по блоку.

В том случае, если ЕС проявит самостоятельность в решении подобных

проблем, не исключено стремительное развитие российско-европейского сотрудничества в таких ключевых для взаимодействия регионах, как Арктика и Ближний Восток. Снятие санкций и реализация совместных проектов, вне всяких сомнений, могли бы принести взаимную выгоду обеим сторонам.

При сближении с Евросоюзом, в котором, очевидно, может быть как минимум 28 различных мнений по одному и тому же вопросу, нужно помнить, что Россия, несмотря на то, что является (в первую очередь географически) частью Европы, обладает рядом особенностей, которые не позволяют полноценно войти в «европейский дом», где ее, строго говоря, никто и не ждет. Это нужно принимать как данность. Это нужно принимать как данность, не огорчаясь откровенной враждебности ряда государств Восточной Европы. Тем более это не несет значительной смысловой нагрузки в свете того, что с «ядром» ЕС у России, пускай сложные и полные исторических и культурологических нюансов, но многогранные, многовековые отношения.

Литература

1. *Cooper H.* Trump Orders Strikes on Syria Over Suspected Chemical Weapons Attack // The New York Times. — 2018. — 13 April. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/trump-strikes-syria-attack.html> (дата обращения: 24.09.2018).
2. *Elgot J.* Theresa May orders Britain to join air strikes on Syria // The Guardian. — 2018. — 14 April. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/theresa-may-britain-air-strikes-syria-chemical-weapons-raf> (дата обращения: 24.09.2018).
3. Перераспределяя ресурсы: почему Пентагон предлагает сократить количество военных баз США в мире // Russia Today [Электронный ресурс]. — 18.10.2017. — URL: <https://russian.rt.com/world/article/440879-ssha-bazy-sokrasshenie> (дата обращения: 24.09.2018).
4. Сможет ли Европа из-за Трампа отказаться от военной зависимости от США? // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. — 20.07.2017. — URL: <https://carnegie.ru/2017/07/20/ru-pub-71587> (дата обращения: 24.09.2018).
5. Шведский генерал: «Против России мы не продержимся и нескольких дней» // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. — 05.02.13. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26026/2945488/> (дата обращения: 24.09.2018).
6. Internes Papier belegt Überforderung der Bundeswehr // Die Welt [Электронный ресурс]. — 15.02.2018. — URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article173585698/Bundeswehr-bei-Nato-Speerspitze-Papier-belegt-Ausruestungsmaengel.html> (дата обращения: 25.09.2018).
7. Констатирована катастрофическая необеспеченность немецкой армии // Lenta.ru [Электронный ресурс]. — 19.02.2018. — URL: <https://lenta.ru/news/2018/02/19/bundeswehr/> (дата обращения: 25.09.2018).

8. Немецкий спецназ GSG-9 будет увеличен на треть // DW [Электронный ресурс]. — 15.01.2018. — URL: <https://www.dw.com/ru/немецкий-спецназ-gsg-9-будет-увеличен-на-треть/a-42155691> (дата обращения: 25.09.2018).
9. МИД сообщил об отправке российских военных в Центральную Африку // РБК [Электронный ресурс]. — 22.03.2018. — URL: <https://www.rbc.ru/society/22/03/2018/5ab3b98c9a79472ad58eccas> (дата обращения: 25.09.2018).
10. Подледные амбиции Англии: что ищут британцы в нашей Арктике? // Звезда [Электронный ресурс]. — 15.04.2016. — URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201604150815-ta4k.htm (дата обращения: 25.09.2018).
11. Покорение полюса двойного назначения // Эксперт [Электронный ресурс]. — 09.12.2014. — URL: <http://expert.ru/northwest/2014/50/pokorenie-polyusa-dvojnogo-naznacheniya/> (дата обращения: 25.09.2018).